

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 6-го Февраля 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10211.

**

Ночь... Тишина... Мой мозгъ горитъ,
Я жадно жду зари.
А кто-то властно говоритъ:
Умри... Умри... Умри...
Въ раздумъѣ медленно беру
Револьверъ со стола.
Одно мгновеніе и умру—
И жизнь, какъ сонъ прошла;
Пріятнѣмъ холодомъ високъ
Ожогъ на мигъ металлъ,
И палецъ мой обнялъ курокъ,
Но кто-то прошепталъ:
Смотри, заря уже горитъ,
И слышеніе птичій хоръ!
И захотѣлось жить мнѣ, жить
Уму на перекоръ...
Но... что-то умерло во мнѣ
Съ тѣхъ поръ, и я живу,
Любя, страдая, какъ во снѣ,
Но не какъ на яву.

О. М.

Необъяснимое происшествіе.

(Миниатюра).

Я прѣѣзжаю къ моему старому, добромъ знакомому Горобцу, проживающему въ качествѣ желѣзно-дорожного врача на одной довольно глухой, полузабытой Богомъ и людьми и даже проѣзжими, станціи. Лицо у Горобца худое, смуглое, самъ онъ высокъ и тонокъ, и въ его густой всклокоченной шевелюрѣ много сѣдыхъ волосъ, хотя ему нѣтъ еще сорока лѣтъ. Живется моему добромъ знакомому скучно: помѣщики по окружности народъ пьющій и въ карты играющій — Горобецъ не пьетъ и не играетъ, — а жены и дочери ихъ могли бы съ успѣхомъ показывать себя въ странствующихъ музеяхъ раритетовъ и рѣдкостей, даже за повышенную плату. Лечить приходится ничуть неинтересныхъ стрѣлочниковъ, сторожихъ, являющихся къ „дохтуру“ въ мужскихъ тулукахъ, окрестныхъ мужиковъ и бабъ, преимущественно отъ „живота“, тифа и лихорадки, да время отъ времени какого нибудь спившагся помѣщика отъ запоя. Яркая, красава жизнь проходитъ мимо, вмѣстѣ съ желѣзно-дорожными поездами; иногда отъ звонка до звонка по станціонной платформѣ проїдетъ парочка нѣжно воркующихъ влюбленныхъ; иногда въ окнѣ вагона мелькнетъ лицо какой-нибудь южанки, спѣщающей

„Съ милаго сѣвера въ сторону южную“.

Иногда тихой лѣтней ночью изъ роскошнаго окна купѣ прозвучитъ такой же тихій, какъ эта лѣтняя ночь, поцѣлуй. Иногда хорошенъкая женщина съ букетомъ цвѣтовъ въ рукахъ посмотритъ на пустынную станцію долгимъ взглядомъ. А затѣмъ прозвучитъ послѣдній звонокъ, который неистово выбиваетъ въ треснувшій колоколъ сто-

В. В. Акишевъ.

Избранный предсѣдателемъ харьковской губернской земской управы.
(Съ фотографіи „Модернъ“).

Д-ръ В. М. Михель,

скончавшійся 21 января въ Харбинѣ отъ чумы.

рожъ Кузьма, оберъ-кондукторъ дастъ свистокъ машинисту, машинистъ отвѣтитъ свисткомъ съ паровоза, и поѣздъ, громыхая колесами, умчится въ безпредѣльную даль. И по станціонной платформѣ, какъ сонные мухи, бродятъ по старому небритые и грязные сторожа:

Скучно!

Пріѣхавъ къ Горобцу, я застаю его въ удрученномъ состояніи.

Его обычное меланхолическое настроение кажется мнѣ еще болѣе меланхолическимъ.

— Что съ тобой? — спрашиваю я.

— А что? — въ свою очередь спрашиваетъ Горобецъ.

— Помилуй, ты смотришь человѣкомъ, который вотъ-вотъ совершилъ преступленіе или, храни насъ силы небесныя, уже совершилъ его!

— Ну это вздоръ, — вздыхаетъ Горобецъ, — никакого преступленія я не совершилъ и совершилъ не собираюсь, а меня мучаетъ одна удивительная исторія.

— Что это за исторія?

— Меня мучаетъ необыкновенный случай на нашей станціи, свидѣтелемъ котораго я былъ вчера.

— Чортъ возьми, что же это за случай?

— Этотъ случай или эту исторію я тебѣ разскажу, пожалуй, — задумчиво говорить Горобецъ.

— Конечно же, разскажи!

— Дѣло, видишь ли въ томъ... Я усаживаюсь поудобнѣе.

Горобецъ закуриваетъ папиросу и во все время разсказа продолжаетъ ходить изъ угла въ уголъ и съ ожесточеніемъ жечь папиросы.

— Дѣло, видишь ли, въ томъ, что вчера ночью, когда на нашу станцію прибылъ пятый номеръ, а я спалъ сномъ невиннаго младенца, небезызвѣстный тебѣ сторожъ Кузьма, выбивающій звонки въ треснувшій станціонный колоколъ, прибѣжалъ ко мнѣ, разбудилъ твоего покорнѣшаго слугу и, выпучивъ глаза, объявилъ, что въ поѣздѣ несчастіе и что требуется моя немедленная помощь. Грѣшнымъ дѣломъ я думалъ, что колесами кому-нибудь отхватило руку или ногу, но, къ счастью, несчастіе — тѣфу, какой скверный каламбуръ вышелъ! — оказалось менѣе страшнымъ: двѣ артистки, спавшія въ купѣ второго класса, впали въ безсознательное состояніе отъ одуряющаго запаха цвѣтовъ, которыми ихъ засыпала публика и поклонники таланта при отѣздѣ изъ Х.*** До моего прихода начальникъ станціи распорядился открыть настежь всѣ окна купѣ, а больныхъ пассажирокъ перенесли изъ вагона въ дамскую уборную. Въ дверяхъ станціи ко мнѣ подскочилъ какой то бритый человѣкъ, отнюдь не похожій на Кина, какъ оказалось, дядя одной изъ артистокъ, схватилъ меня за лацканъ сюртука и умоляющимъ голосомъ возопилъ:

— Спасите ихъ, докторъ! Будьте великодушны. Спасите мою племянницу, докторъ! Если бъ вы знали, какой это талантъ! Любимица публики, поклонники на рукахъ носили, цвѣтами передъ отѣздомъ засыпали, и вдругъ — такое несчастіе отъ цвѣтовъ! Кто бы могъ ждать этого? Вотъ ужъ, по истинѣ, бойтесь данайцевъ и дары приносящихъ, какъ говорится въ какой-то пьесѣ. Не правда ли, докторъ, вы спасете ихъ?

— Постараюсь.

ЯЛТА ПОДЪ СНЪГОМЪ.

Когда мы съ бритымъ человѣкомъ, отнюдь не похожимъ на Кина, вошли въ дамскую уборную, несчастныя почти не подавали признаковъ жизни, но черезъ двѣ—три минуты пришли въ себя. Ихъ груди затрепетали, ихъ глазки—прехорошенькие, братъ, глазки—открылись, и онъ съ усиліемъ спросили:

— Гдѣ мы?

Бритый человѣкъ проявилъ бурный восторгъ.

— Онъ живы! Теперь онъ не умрутъ, докторъ?! — поминутно спрашивалъ онъ.

— Да нѣтъ же, нѣтъ.

— Вотъ я перетрусила за васъ, дѣточки! Вотъ перетрусила! Проклятые цвѣты!

Одна изъ дѣточекъ вздохнула и слабымъ голосомъ сказала бритому человѣку:

— Пошлите обѣ этомъ случаѣ телеграммы въ газеты, дядя. Пусть это послужить предостереженіемъ для другихъ.

— Непремѣнно пошлю! Въ моментъ пошлю! Съ этой же станціи телеграммы въ десять газетъ посылаю: цвѣты, любимицы публики, одуряющій запахъ и тому подобное. Грѣхъ, дѣточки, другихъ не предостеречь: пусть знаютъ! Вы то, благодаря быстро и искусно поданной медицинской помощи—бритый человѣкъ бросилъ благодарный взглядъ на меня—вернулись къ жизни, а другая бѣдняжка, вѣдь, такъ ни за гроши ни за денежку и уйдетъ къ праотцамъ. Бѣгу телеграмму посыпать.

Бритый человѣкъ оказался очень энергичнымъ человѣкомъ; онъ вернулся чуть-ли ни черезъ моментъ, и въ этотъ моментъ успѣлъ составить телеграмму и послать ее въ восемь-десять газетъ—телеграфистъ у насъ, по слуху его телеграммы, цѣлое утро безъ перерыва на аппаратъ стучалъ.

— Послали, дядя?—спросила бритого человѣка племянница.

— Послалъ.

— Всюду послали?

— Всюду.

— И въ „Эхо Газетъ“?

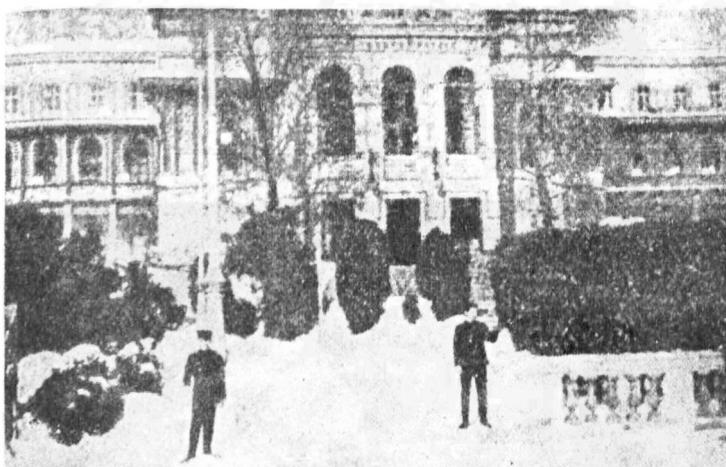
— Само собой. Какъ-же въ „Эхо Газетъ“ да не послать?! Хорошія телеграммы закатиль, дѣточки: цвѣты, любимицы публики, одуряющій запахъ отъ сотни корзинъ и букетовъ, обморокъ, чуть-чуть не катастрофа и тому подобное!

— Спасибо, дядя. И вамъ спасибо, докторъ. Что было бы съ нами, если бы не вы?!

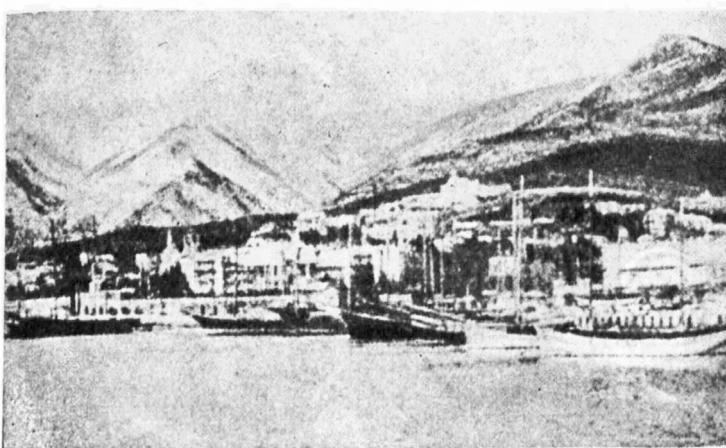
Нѣжныя ручки протянулись ко мнѣ и нѣжно пожали мои руки. Въ сущности, я думалъ, что съ несчастными артистками не случилось бы ничего особенного, если бы я даже и не рождался на свѣтъ Божій, но—кому же не нравится разыграть роль героя или хотя геройчика, и я... смолчалъ.

А минутъ черезъ десять Кузьма проколотилъ послѣдній звонокъ, и прелестныя женщины, еще разъ пожавъ мнѣ на прощанье руку и еще разъ поблагодаривъ меня, сѣли въ вагонъ; поѣздъ тронулся, и все было кончено: онъ уѣхали!

— Это и есть тотъ необъяснимый

Гостиница „Россія“.

Горы, покрытыя снѣгомъ, доходящимъ мѣстами до 2 саженей.

Беромонахъ Иліодоръ.

случай, о которомъ ты хотѣлъ разсказать?

— Ну да.

— Да что-жъ тутъ страннаго? Во врачебной литературѣ извѣстно не мало случаевъ обмороочнаго состоянія и, кажется, даже смерти отъ одуряющаго запаха цвѣтовъ.

— Не то, не то,—качетъ Горобецъ головой.—Не въ томъ дѣло. Ты не далъ мнѣ доказать до конца—этакій торопыга!—Смущаетъ меня иное обстоятельство. Минуты за три до выхода любимицъ публики изъ дамской комнаты, я, видишь-ли, прошелъ въ ихъ

купѣ, чтобы узнать, доста точно ли освѣжился воздухъ вагона. Ну, цвѣтовъ масса, но воздухъ въ достаточной мѣрѣ чистъ. И теперь я покаюсь тебѣ, взяло меня малодушіе, въ сущности, не приличествующее пожилому человѣку и врачу. Не суди строго, впрочемъ: скучно на станції! Вотъ, подумалъ я, уѣдутъ эти прелестныя женщины, и все будеъ кончено, все исчезнетъ, вся исторія поростеть травой. Возьмука я себѣ изъ ихъ купѣ два—три цвѣтка на память! Сказано, сдѣлано. Выслалъ я изъ купѣ горничную, которая стерегла ихъ цвѣты, намѣтилъ двѣ розы, лилію да еще какую-то красивую чепуху, протянулъ руку, дотронулся до первого цвѣтка и... обмеръ.

Горобецъ закуриваетъ новую папиросу и съ меланхолическимъ недоумѣніемъ глядитъ на меня.

— Вотъ онъ, гдѣ странній случай таится,—тихо говоритъ Горобецъ.

— Въ чемъ же дѣло? Почему ты обмеръ?

— Какъ же было не обмереть?!—пожимаетъ бѣдняга плечами.

Вѣдь, цвѣты-то были искусственные!

— Искусственные?!—подсказываетъ я на стулѣ.

— Ну да, искусственные,—меланхолически подтверждаетъ Горобецъ.—Всѣ искусственные. Кругомъ. Во всѣхъ корзинахъ.

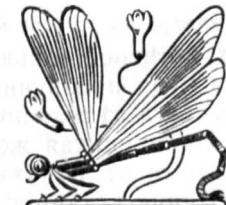
Горобецъ проводитъ рукой по лицу, морщить лобъ и спрашиваетъ угрюмо:

Развѣ это не странній случай, который я рѣшительно не могу себѣ уяснить; воображенію, конечно, можно отвести въ различныхъ загадочныхъ болѣзняхъ явленіяхъ весьма дѣятельную роль. Но сила воображенія, доводящая до безсознательного состоянія, это, братъ, штука, съ которой нельзя не считаться. Думаю загадочный фактъ этотъ описать и въ специальный журналъ отправить: пусть коллеги отзовутся:—не встрѣчалось ли въ ихъ практикѣ подобныхъ же фактовъ?

Горобецъ опять закуриваетъ потухшую папироску и начинаетъ мѣрять комнату неровными шагами смущеннаго, взволнованнаго человѣка; мнѣ хочется размѣтиться такимъ звонкимъ смѣхомъ, какого комната моего мрачнаго друга, можетъ быть, не слышала никогда; но я сдерживаю смѣхъ, сдерживаю даже легкую улыбку и говорю задумчиво:

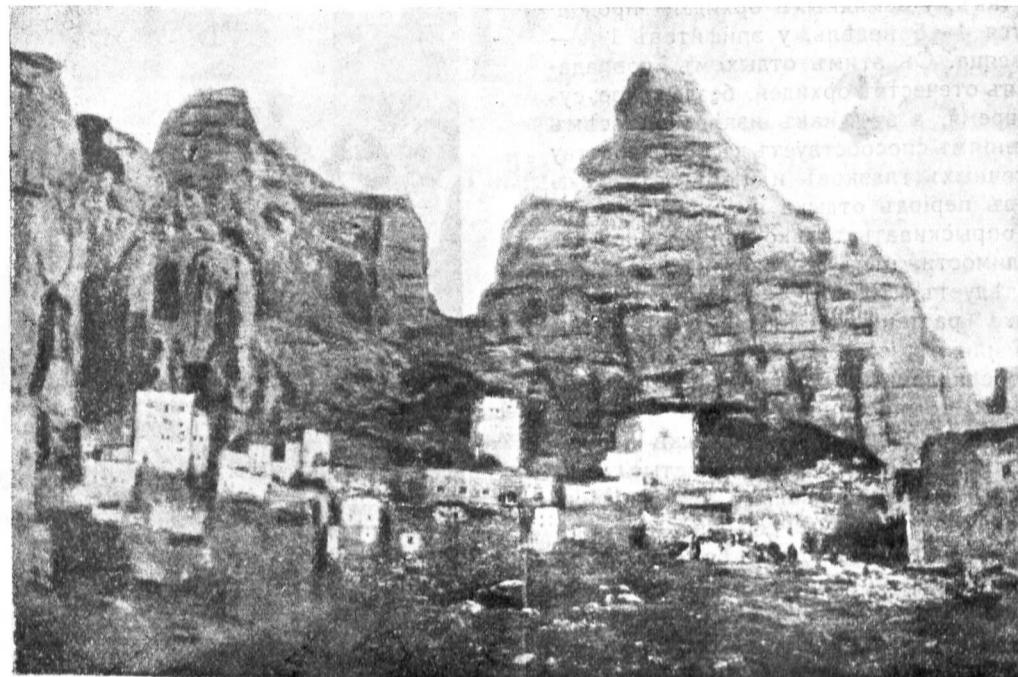
— М да... Есть много на свѣтѣ, другъ Горацію, что и не снилось нашимъ мудрецамъ!...

А. Грузинский.

Ex-imperatrice Eugenie.

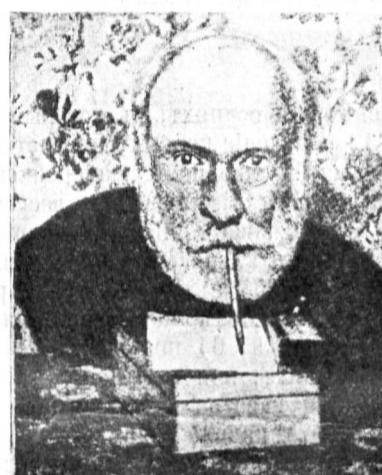
Цитадель Саны, где блокированы турецкие войска в йемене, в Аравии.

**

(Посвящ. М. И. Т-о и).

Моя Печаль со мною снова
Тиха, покорна и кротка.
Унылой дымкою покрова
Одѣла все ея рука.
Въ очахъ глубокихъ скорбь и мука,
Сомкнуты строгія уста;
Ни тѣни ропота, ни звука;
Какъ божество, она чиста.
Ее не манить блескъ мишуриный,
Ей смѣхъ безпечный незнакомъ;
Лучь утра, ночь, закатъ пурпурный
Не будятъ думъ въ ней ни о комъ.
Ликъ блѣдный въ траурѣ одѣжды
Далекъ отъ пошлой суеты;
Она не вѣдаетъ надежды,
Не вѣритъ въ свѣтлые мечты.
И я, чужой на общемъ пирѣ,
Гдѣ нѣть души, гдѣ сердце—сталь,
Во всемъ обширномъ этомъ мірѣ
Люблю одну мою Печаль.

Ф. М.

Уильямъ Томасъ Грэй.

Безрукій и безногій „секретарь“. Когда природа отказываетъ своимъ созданиемъ въ какомъ-либо органѣ, она старается возмѣстить ущербъ, изощря другія чувства. Слѣпые обладаютъ тончайшимъ слухомъ и изумительнымъ осознаніемъ. Но такого явленія, какъ воспроизведимый нами американецъ Вильямъ-Томасъ Грэй, еще не видѣлъ ни одинъ паноптикумъ въ мірѣ. Покойный предприниматель Барнумъ лишился бы сна и аппетита, если бы при жизни узналъ о его безбѣдномъ существованіи. Родившись безрукимъ и безногимъ, Грэй приложилъ всѣ старания, чтобы образовать свой умъ. Его не соблазнила возможность получать большія деньги, показывая свое жалкое уродство. Онъ пишетъ замѣчательно красиво и быстро, держа перо зубами. Благодаря этому искусству, онъ можетъ выполнять секретарскія обязанности въ одной крупной американской фирмѣ. На общемъ состояніи здоровья уродство его, къ счастью, пока не отражается, хотя онъ лишенъ столь необходимаго для человѣка мочона.

ступъ воздуху, лѣтомъ же окно должно имѣть приспособленіе для защиты отъ солнца. Можно устанавливать эти растенія не только на подоконникѣ, но и на столѣ, придинутомъ къ окну, что для нашихъ условій даже лучше, такъ какъ въ зимнее время на ночь столъ легко можно отодвинуть вглубь комнаты. Изъ орхидей, болѣе легкихъ по культурѣ, можно рекомендовать сорта: циприпедіумъ инсигне, циприпедіумъ барбатумъ, циприпедіумъ виллозумъ (съ сильно свѣшивавшимися цветами), такъ что при цветеніи лучше всего подвѣшивать горш-

ки), одонтоглоссумъ гранде, одонтоглоссумъ пулхелумъ, одонтоглоссумъ криспумъ, ада аурантика, цимбидіумъ ловіанумъ и физозифонъ лодигези, съ сильно ароматными цветами и друг. Уходъ за этими орхидеями состоить въ слѣдующемъ: сажать ихъ не въ землю, а въ составѣ—на половину бѣлый мохъ (сфагнумъ), на половину папоротниковые корни (полиподіумъ), и къ этому добавить немного грубаго рѣчного песку, или же сажаютъ также въ смѣсь бѣлаго мха, зеленаго мха, немного торфа, перегнившей листвы, мягкихъ гнилушекъ. При культурѣ земляныхъ орхидей (растущихъ у себя на родинѣ на землѣ), какъ, напримѣръ, сорта циприпедіумъ и цимбидіумъ, къ вышеозначенному составу добавляется еще часть перегорѣвшаго навоза; при культурѣ же орхидей-эпифитовъ (растущихъ у себя на родинѣ на деревьяхъ) слѣдуетъ избѣгать дачи какой-либо смѣси, могущей препятствовать проникновенію воздуха къ корнямъ. Для поливки брать только дождевую или снѣговую воду, температуры данной комнаты, и такой же водою ежедневно опрыскивать, избѣгая во время цветенія попасть водою на цветы. Въ лѣтнее время чаше, въ зимнее—рѣже растенія слѣдуетъ обмывать, для чего горшокъ съ орхидеей ставятъ въ ведро и здѣсь гидропультомъ тщательно опрыскиваютъ нѣсколько разъ подрядъ. Для соблюденія большей чистоты, горшки съ орхидеями нужно почаше мыть; мытье лучше всего производить такимъ образомъ: въ чашу достаточной величины вливаютъ на половину воды комнатной температуры, ставятъ въ нее порожній горшокъ вверхъ дномъ, а на дно это ставятъ горшокъ съ растенiemъ и тщательно щетками обмываютъ наружные части горшка (съ растенiemъ). Это, кроме чистоты, даетъ возможность содержать горшки и постоянно пористыми. Слѣдуетъ избѣгать излишней влаги въ то время, когда растенія начинаютъ давать новые побѣги, въ особенности при культурѣ одонтоглоссовъ и онцидій; точно также нужно содержать орхидеи въ болѣе сухомъ состояніи при началѣ образованія цветочныхъ побѣговъ, что обыкновенно совершаются въ періодъ отъдыха той или другой орхидеи; отдыхъ этотъ наступаетъ вскорѣ послѣ отцвѣта.

Краткія указанія по культурѣ орхидей въ комнатахъ. I

Орхидеи, эти чудные, фантастические цветы, еще недавно культивировали только въ теплицахъ, теперь же усовершенствование въ культурѣ, а, главное, правильный выборъ сортовъ, дали возможность съ успѣхомъ имѣть ихъ и въ комнатахъ. Для полнаго успѣха культуры орхидей необходимо соотвѣтствующее помѣщеніе, ибо разныя орхидеи требуютъ и разныхъ тепловыхъ условій. Для комнатной культуры необходимо пріобрѣтать сорта—уроженцы горныхъ частей Америки, которые тамъ встрѣчаются на деревьяхъ и утесахъ, на высотѣ отъ 1000 до 2500 метровъ и требуютъ поэтому возможно болѣе свѣта и воздуха. Этимъ сортамъ и нужно предоставить въ комнатахъ въ зимнее время надлежащее тепло и свѣтъ, а лѣтомъ необходимую тѣнь. Комнаты, предназначенные для культуры орхидей, должны быть расположены на югѣ; окно на которомъ или у котораго предполагается установка орхидей, должно имѣть форточку, дабы возможно было давать до-

нія, такъ, у земляныхъ орхидей продолжается 4—5 недѣль, у эпифитовъ 1½—2 мѣсяца. Съ этимъ отдыхомъ совпадаетъ, въ отечествѣ орхидей, бѣздождное, сухое время, а это, какъ извѣстно, всѣмъ растеніямъ способствуетъ къ производству цветочныхъ глазковъ и побѣговъ—такъ что въ періодъ отдыха нужно поливать или опрыскивать только при крайней необходимости, мыть же растенія совсѣмъ не слѣдуетъ. Послѣ окончанія періода отдыха растеніямъ добавляютъ бѣлый мохъ или же, если растенія слишкомъ переросли данные горшки, пересаживаютъ, что обыкновенно бываетъ послѣ 4—5 лѣтъ. Вообще для пересадки и культуры нужно брать только пористые горшки, которые до посадки на половину наполняются мелкими черепками, при чемъ отверстіе дна должно быть нѣсколько увеличено противъ обыкновенного. Для культуры въ комнатахъ предпочтительнѣе горшки, чѣмъ совсѣмъ принятыя плетеные или сдѣланыя изъ палочекъ корзины, плошки и т. п., такъ какъ горшки, наполненные на половину черепками, даютъ возможность болѣе правильному доступу воздуха, и, кромѣ того, влага распредѣляется равномѣрно по корнямъ. Не слѣдуетъ забывать, что орхидеи требуютъ, для успѣха культуры, водяныхъ паровъ и кислорода.

Х. Клейнъ.

— Были вы во время вашего свадебного путешествія также и въ Римѣ, сударыня?

— Право, не знаю навѣрное.

Билеты покупалъ всегда мой мужъ.

(„Flied. Bl.“).

— У васъ глухонѣмая прачка? Это, должно быть, очень удобно.

Она не должна терять времени на болтовню и больше работать.

— О, напротивъ, она работаетъ меньше другихъ, такъ какъ болтаетъ руками.

(„Flied. Bl.“).

Къ наблюдателямъ природы.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, позволяю себѣ обратиться ко всѣмъ наблюдателямъ природы съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ присылкѣ свое временныхъ (или общихъ, по окончаніи весны) сообщеній о времени появленія въ ихъ мѣстности тѣхъ или другихъ птицъ, насѣкомыхъ и другихъ животныхъ, отсутствовавшихъ въ зимнее время, о времени зацвѣтанія весеннихъ цветовъ, зеленѣнія и цвѣтенія древесныхъ и кустарниковыхъ растеній, вскрытия рѣкъ, начала полевыхъ работъ, первой весенней грозы и проч. Въ особенности желательно имѣть изъ возможно большаго числа мѣст-

мыхъ многочисленныхъ сообщеній. Сообщающимъ съ желѣзодорожныхъ станцій также покорнѣйшая просьба: обозначать губернію и уѣздъ, въ которыхъ расположена данная станція.

Адресъ для писемъ: С.-Петербургъ, Лѣсной институтъ, профессору Дм. Никиф. Кайгородову; для телеграммъ: Петербургъ, Лѣсной, Кайгородову.

Дм. Кайгородовъ.

СМѢСЬ.

Изъ жизни А. Ф. Писемского.

„Синій журналъ“ печатаетъ нѣсколько любопытныхъ отрывковъ изъ воспоминаний о покойномъ А. Ф. Писемскомъ.

Боясь скоропостижной смерти на улицѣ, Писемскій постоянно носилъ въ карманѣ своего пальто листъ бумаги, на которомъ крупнымъ почеркомъ было написано:

„Сie мертвое тѣло принадлежитъ вдовѣ статского советника Писемской, проживающей въ Борисоглѣбскомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ“.

Собственный домъ Писемскаго въ Москвѣ, въ Борисоглѣбскомъ переул-

— На вѣнокъ умершой учительницы каждая ученица должна приступить по 10 коп.

— Мама сказала (говорить маленькая девочка), что, если бы это были вы, она не пожалѣла бы и полтинника.

(„Flied. Bl.“).

кѣ, состоялъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ флигелей, и каждый изъ нихъ назывался по имени романа, на гонорарь за который былъ выстроенъ.

Писемскій, показывая кому либо свои владѣнія, обыкновенно пояснялъ:

— Вотъ это „Тысяча душъ“, вотъ это „Люди сороковыхъ годовъ“, а вотъ это „Вѣбаломученное море“, а „Масонами“ я только желѣзную крышу наставилъ.